

— Конечно, а кем ещё может быть твой дядя?

Дядя, сидя на диване, поджал ноги. Над диваном висела огромная рамка, внутри которой были аккуратно разложены разнообразные ортопедические инструменты: костные дрели, костные щипцы, костные ножницы, костные пилы, костные молотки, костные рашпили, костные долота, долота для отделения, кюретки, дистракторы.

Что и говорить, серебрястые инструменты, упорядоченно размещённые в рамке, в сочетании с минималистичным интерьером действительно смотрелись очень стильно.

Кому-то нужно каждый день выгуливать собаку, а кто-то позволяет собаке выгуливать себя дома. Квартира дяди в Шэньчэне была двухуровневой, скрытой внутри здания, четыре этажа, с бассейном. В комнатах не было картин, все настенные украшения содержали медицинские инструменты.

Особенно впечатлял кабинет, утопающий в толстых медицинских фолиантах. Декоративные рамки, заполненные расширителями, крючками, акушерскими щипцами, зондами, вращающимися крючками, эмбриотомами, перфораторами для черепа, краниокластами, обладали сильным визуальным воздействием.

— В акушерстве и гинекологии используют такое?

Первоначальное восхищение от входа в кабинет сменилось холодом при виде этих инструментов. Староста, вытянув шею, внимательно рассматривал подписи на них, хмурия брови. Не то что староста, даже Сяо Лю при первом посещении был потрясён этими холодными инструментами.

— Используют. Когда будете изучать гинекологию и пойдёте на практику, сами узнаете. Быть матерью нелегко.

Дядя подошёл, собираясь похлопать старосту по плечу, но, увы, рост не позволил, поэтому он просто встал на цыпочки и стукнул старосту по голове:

— Почитать мать, меньше причинять страданий своей жене — вот что значит хороший мужчина.

— Да-да-да, будьте спокойны, я обязательно так и сделаю.

Хотя староста улыбался, его взгляд не отрывался от той рамки. Такая сосредоточенность старосты заставляла Сяо Вана покрываться холодным потом, опасаясь, как бы не напугать его окончательно.

Неизвестно, вернулся ли в этот момент наконец разум старосты из его путешествия, но он спросил:

— Дядя, а чем вы занимаетесь?

— А... продаю медицинское оборудование.

Дядя указал на предметы в рамке:

— Вот эти самые.

— Понятно, вы из Шэньтан?

— Э-э... да...

Сбитый с толку реакцией старосты, дядя кивнул.

— А... я понял, вы наверняка тот самый... я понимаю, ответственный за практику студентов, поэтому Сяо Ван и Сяо Хуан смогли попасть на практику в Шэньтан.

Увидев задумчивого дядю, все онемели, только дядя быстро пришёл в себя и тут же сменил тон:

— И тебе тоже добро пожаловать к нам на практику.

— Я отправил заявку... но мне так и не ответили...

На этом месте староста стал жалобно хныкать, и дядя вынужден был на время примерить роль HR своей компании, утешая его.

Именно из-за этой суматохи у Сяо Вана и Сяо Лю появилось время побыть наедине.

Двое поднялись по лестнице, разглядывая разнообразные устройства на стенах, и в итоге единогласно сошлись во мнении, что те, что висят у дяди в изголовье кровати, самые интересные.

— Что это всё такое...

Сяо Ван склонил голову набок и спросил. Во всей комнате только на этой рамке, висящей над огромной двуспальной кроватью, не было подписей.

— Крючок для простаты, ретрактор для простаты, уретральный зонд...

Сяо Лю указал:

— В каталоге продукции компании дяди есть описание.

— О...

Сяо Ван смотрел на эти инструменты с странными английскими названиями и с некоторым недоверием спросил:

— А тот, что называется Штраус, это...

— Зажим для пениса...

— ...

Услышав это название, у Сяо Вана заболело сердце. Хотя он не знал, не взбрёт ли дяде в голову в радостном порыве достать инструмент и поиграть, но в некотором смысле он даже восхитился Сяо Хуаном.

В тот вечер, хотя и против своего желания, староста и Сяо Хуан остались у дяди дома. Сяо Ван же под предлогом отвести собаку домой сбежал вместе с Сяо Лю.

Додо проявил себя на отлично: кто бы ни пытался оторвать его от Сяо Лю, получал удар. Староста попытался снять Додо, и что же? Додо, вцепившись в рубашку Сяо Лю, прямо сорвал

её с него. Не оставалось выбора, и Сяо Лю, человек-когтеточка, обняв Додо, отправился вслед за Сяо Ваном домой.

Вернувшись домой, Сяо Ван принял душ и направился в комнату Сяо Лю. У двери он собрался постучать, но потом передумал — в своём доме стучусь, блин — и вошёл без стука.

Сяо Лю полулёжа смотрел телевизор, на его ногах лежала Юю, а живот был заметно выпуклым.

— Ты что, опять беременный?

Увидев торчащий из-под футболки кошачий хвост и доносящееся тихое попискивание, можно было не сомневаться: Додо снова присосался к Сяо Лю.

Сяо Ван похлопал по животу Сяо Лю, и плотная задница Додо задрожала, как водяной тофу. Сяо Ван потянул за край, не рассчитав силу, и прямо задрал футболку до подбородка Сяо Лю, обнажив ключицы. Это внезапное раздевание удивило и самого Сяо Лю, который испуганно смотрел на Сяо Вана.

— Э-э...

Пока Сяо Ван думал, как выйти из этой неловкой ситуации, Додо мяукнул в знак протеста и пополз вверх, и Сяо Ван поспешил натянуть одежду обратно.

— Почему Додо всегда любит залезать под одежду?

Похлопав по Додо, укrywшемуся в одежде Сяо Лю, Сяо Ван не понимал.

— Маленькие замкнутые пространства дают кошкам чувство безопасности.

Сяо Лю протянул книгу Ты знаешь, о чём думает кошка?.

— Ты и вправду серьёзный... постоянно читаешь.

— Иначе... я начинаю думать о странных вещах...

— О каких странных? Расскажи-ка, хочешь меня — я всегда готов составить компанию.

Сяо Лю приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, как вдруг увидел, что Додо высунул голову из-под ворота его рубашки, лизнул его по лицу, словно говоря я тоже тут, а на ногах Юю поднялась повыше, заскулив, пытаясь заявить о своём присутствии.

Настоящий Тан Саньцзан, все живые существа в семье его обожают.

— Ты не спросишь о моём прошлом?

На этот раз роли поменялись: это Сяо Лю произнёс такие слова.

— Если захочешь рассказать — сам расскажешь.

Улыбнувшись, Сяо Ван, который каждый день дома ревновал к кошкам и собаке, почувствовал, что ведёт себя слишком недостойно, и просто опустил голову, читая книгу.

К своему удивлению, раскрыв её, он обнаружил между страниц сложенный лист формата А4,

при более внимательном рассмотрении оказавшийся вырезкой из газеты.

Эту новость Сяо Ван знал, более того, он был с ней хорошо знаком и даже использовал подобный материал для вдохновения при написании.

В статье рассказывалось об убийстве врача общей практики и его семьи, произошедшем три года назад. Погибло четыре человека: кроме жены врача, сам врач, его родители и ребёнок — почти все были убиты с одного удара. Убийца, закончив, спокойно вызвал полицию и покорно ждал ареста на месте, после задержания полностью признав свою вину. Позже кто-то обнаружил предсмертную записку юноши, где говорилось, что когда его насильовали, врач не только не помог, но и способствовал злодеянию. После обнаружения эта история вызвала бурные обсуждения в сети.

Но ещё страшнее было то, что по мере углубления расследования был обнаружен дневник врача, в котором были детально записаны все эпизоды насилия, нумерация жертв-детей дошла до 34.

У ребёнка номер 3 опять болезнь, почему он не умрёт, нельзя выходить лечиться, как же надоело.

Клиент номер 17 — извращенец, зачем мне разгребать такой бардак.

Если бы не высокая оплата, я бы давно бросил это дело.

Эти бесчувственные, скороговоркой упомянутые записи, казалось, показывали, что для врача эти подвергавшиеся насилию дети были словно мусор, который можно выбросить в любой момент. Он не только не испытывал к ним сочувствия, но даже при исполнении обязанностей издевался над ними по-своему.

После обнаружения этой истории, не ожидавшая, что много лет спавший рядом муж оказался таким зверем в человеческом облике, жена, под грузом потери мужа и сына, а также под воздействием череды психических потрясений, выбрала прыжок с высоты, разбившись насмерть.

Но тот врач, в конце концов, был всего лишь наёмным работником, что скрывалось за этой историей — никто не знал.

Сяо Ван адаптировал эту историю, в общих чертах получился довольно распространённый в литературе сюжет о заключении несовершеннолетних: юноша обращается за помощью к врачу, но тот не только не помогает, но и издевается над ним; юноша сбегает и начинает мстить.

Как ни странно, это был первый материал, который Сяо Ван использовал для написания текста, когда вернулся к творчеству на первом курсе, просто тогда он импровизировал на ходу. История получилась со счастливым концом: пострадавшие дети скрыли имена и живут как обычные люди, а все виновные понесли заслуженное наказание.

Но каковой была реальность — никто не знает.

— Эту газетную вырезку мне дал У Сян.